

РЕЦЕНЗИИ

Рахманова М.

ОБЗОР ПОСЛЕДНИХ РАБОТ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Даниленко Борис, протоиерей. *Материалы к творческой биографии И. А. Гарднера (1898–1984)*. М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата; Мюнхен: Otto Sagner Verlag. 2008. – 324 с.

Лозовая И. *Древнерусский нотированный Параклит XII века. Византийские источники и типология древнерусских списков*. М.: Научно-издательский центр Московской консерватории. 2009. – 156 с.

Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 4. Редакторы-составители Кручинина А., Рамазанова Н. СПб.: Санкт-Петербургская консерватория. 2010. – 264 с.

Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 5. Редакторы-составители Кручинина А., Рамазанова Н. СПб.: Санкт-Петербургская консерватория. 2011. – 237 с.

Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства / Гимнология. Вып. 6. Редактор-составитель Лозовая И. М.: Научно-издательский центр Московской консерватории. 2011. – 568 с.

Речь и музыка в традиционных музыкальных культурах. Редактор-составитель Имамутдинова З. М.: Музиздат. 2011. – 395 с.

Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество. Редакторы-составители Данченкова Н., Часовникова А. М.: Нестор-История. 2011. – 306 с.

Серегина Н. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М.: Памятники исторической мысли. 2011. – 400 с.

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности в 1906 году / Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VII, кн. 1. М.: Языки славянских культур. 2012. – 800 с.

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности в 1906 году / Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VII, Кн. 2. М.: Языки славянских культур. 2012. – 520 с.

Настоящий книжный обзор адресован прежде всего тем, кого может интересовать проблематика православной певческой культуры, в широком значении этого словосочетания, включая и фольклорный аспект.

Важнейшее место в этой области занимают, конечно же, публикации разного рода источников, ранее мало известных или вовсе не введенных в научный оборот. А потому хотелось бы начать обзор с книги, которая вышла более трех лет

тому назад, но, по условиям издания и величине (точнее малости) тиража не могла получить широкого распространения. Эта книга – **«Материалы к творческой биографии И. А. Гарднера»**, подготовленная протоиереем Борисом Даниленко (руководителем Синодальной библиотеки в Москве) по материалам архива Гарднера, который (как известно тем, кто занимается данной темой) находится в аббатстве Нидеральтайх в Нижней Баварии. Отец Борис – первый (по крайней мере первый русский) ученый, для которого архив Гарднера был открыт в полной мере. И, надо сказать, он превосходно воспользовался такой возможностью.

В книге публикуются: биографический очерк, написанный о Борисом Даниленко; максимально полная библиография и нотография прижизненных публикаций Гарднера; полный перечень его музыкальных сочинений, гармонизаций и переложений, сохранившихся в рукописях; фрагменты автобиографии и воспоминаний, а также три интереснейшие переписки – с Н. М. Зерновым, С. А. Жаровым и Н. Д. Успенским.

Значение выхода в свет этой великолепно подготовленной книги трудно переоценить. Гарднер в России ныне очень популярен, в основном как автор масштабного труда «Богослужбное пение Русской Церкви», который за последние десятилетия уже несколько раз был переиздан и фигурирует, кажется, в программах всех учебных заведений, где преподается церковное пение и его история. Но ведь Гарднер не только крупнейший музыкальный ученый Русского Зарубежья, с необычайно обширным кругом собственно церковно-певческих и вообще художественных интересов, но также остроумный и строгий критик современного ему творчества, отличный писатель на разные темы. Человек страстный, увлекающийся, он способен и просветить и увлечь современного читателя. Пристально следя за всем, что происходило в русской эмиграции, и по возможности собирая все, что делалось на привлекавшие его темы в советской России, Гарднер стоял вне «партий» и «лагерей». Кроме того, он постоянно практиковал церковное пение – и как регент, и как автор умных и красивых переложений роспевов: здесь он, несомненно, шел за Новым направлением, особенно за Кастаньским, но все же тропинка у него была своя. Поэтому хочется благодарно приветствовать инициативу о. Бориса, в согласии с которой хор храма Воскресения Христова в Пленницах (московский Андреевский монастырь), где настоятельствует о. Борис, подготовил диск с записями гарднеровских переложений под управлением регента Веры Романенко. Диск недавно вышел в свет и тем самым образ Гарднера обрел некую присущую ему многомерность.

Впрочем, настоящую многомерность образ Гарднера обретет тогда, когда и другие его тексты выйдут из-под многолетнего спуда. Имеем в виду огромные по объему воспоминания, а также публикации работ, рассредоточенных в старой периодике. В связи с этим отметим, что чуть раньше упомянутого выше диска (то есть все в том же 2011 году) в печати появилась обаятельная и одновременно очень содержательная работа Гарднера о его путешествии на Афон в 1926 году, выпущенная в на редкость изящном виде Саратовской епархией. А продолжая тему Православного Востока, заметим еще, что недавно (2010) московское издательство «Индрик», сделавшее Православный Восток едва ли не основным мотивом своей деятельности, выпустило DVD с записью полного текста журнала «Святая Земля», издававшегося в 1934–40 годах Русской миссией в Иерусалиме, где тогда трудился Гарднер (кстати, вместе с другим замечательнейшим деятелем – о. Киприаном Керном); в этом журнале тоже опубликованы тексты Гарднера, правда, преимущественно не на певческие темы.

Итак, после труда о. Бориса Даниленко, после всех упомянутых изданий, наконец, после более ранней публикации целого тома переложений Гарднера в другом превосходном московском издательстве – «Живоносном Источнике» (вступление и комментарии Светланы Зверевой) многое ранее «закрытое» становится доступным. Я убедилась в этом на собственном примере, когда, занимаясь некоторыми явлениями церковно-певческой жизни Зарубежья, внимательно просмотрела библиографию, приведенную о. Борисом, и перечитала в старой

периодике написанное Гарднером в связи с подобными явлениями. Как это было полезно! Опубликованные в сборнике переписки тоже очень хороши, а что касается переписки с Николаем Дмитриевичем Успенским, то она еще породит массу комментариев, так сказать, к истории русской музыкальной медиэвистики, к постановке задач, из которых отнюдь не все решены по сей день.

В заключение можно сказать только одно: читайте Гарднера, это и вдохновляет, и вразумляет.

Думается, в роли первоисточника может выступать и книга Ирины Лозовой **«Древнерусский нотированный Параклит XII века. Византийские источники и типология древнерусских списков»**. Это первый том большого исследования, посвященного древнерусскому Параклиту второй половины XII века, переписанному в Великом Новгороде и представляющему собой одну из ранних форм Октоиха Студийской эпохи (собрание Синодальной типографии, № 80, ныне в РГАДА).

Как сказано в аннотации, этот единственный нотированный список Параклита рассматривается в контексте византийской и древнерусской литургической книжности. Соответственно в книге четыре главы: подробнейшее описание памятника; сравнение содержания русского Параклита с содержанием ранних византийских Октоихов; типология русских Параклитов; литургическая функция молебных канонов Параклита. Имеются также: превосходная обширная библиография литературы по теме на разных языках; индекс ирмосов и тропарей из канонов Параклита; подборка хорошего качества иллюстраций из разных рассматриваемых рукописей, славянских и греческих.

Книга Ирины Лозовой сделана на очень высоком научном уровне – в точном смысле этого ставшего расхожим выражения. Очевидно, что каждое выдвигаемое положение, буквально каждое слово много раз продуманы, взвешены, сопоставлены со всем объемом имеющейся информации. Закрывать книгу жаль, и очень хочется увидеть продолжение – обещанную автором в предисловии «разработку проблем, связанных с ранней формой знаменной нотации».

И коль скоро речь зашла о ранних формах знаменной нотации, отметим, что буквально на днях, с датой выхода 2012, появился на свет очередной том «Русской духовной музыки в документах и материалах»: **том VII**, в двух книгах, под названием **«Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности в 1906 году»**. Первая книга содержит Афонский дневник С. В. Смоленского, многочисленные письма, связанные с подготовкой и проведением экспедиции, а также обширные приложения, освещающие итоги экспедиции и осмысление ряда важных проблем (прежде всего происхождения русского церковного пения) в отечественной науке. Во второй книге воспроизводится несколько сотен снимков с афонских греческих певческих рукописей (копии с отреставрированных стеклянных негативов, привезенных экспедицией) с табличками инципитов.

* * *

Движение науки, новое осознание разных вопросов часто отражается не столько в книгах, сколько в сборниках (обычно созданных по мотивам конференций), где представлено много авторов и много точек зрения. Именно так обстоит дело с русской певческой медиэвистикой. Основные серии сборников по этой теме хорошо известны: «Бражниковские чтения» (Петербургская консерватория; книги выходят с разными подзаголовками выпусков) и «Гимнология» (Московская консерватория).

Рада сообщить читателям, что обе серии имеют актуальное пополнение: два выпуска петербургского сборника под названием **«Древнерусское песнопение: пути во времени»** (выпуски 4 и 5, отражающие материалы «Бражниковских чтений» 2008 и 2009 годов) и шестой выпуск **«Гимнологии»** «Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства». Вполне естественно, что некоторые темы в этих сборниках «пересекаются», некоторые авторы представлены

и в петербургском, и в московском вариантах, – но в общем книги имеют разный облик, отражая своеобразие петербургской и московской школ, пристрастия и сильные стороны каждой.

Петербургские сборники, как всегда, в большей мере сосредоточены на именно русской певческой средневековой музыке, на ее средневековом периоде, на палеографии знаменной нотации, на теории древнерусского церковного пения; впрочем, в одном из них (вып. 4) есть и раздел по позднему периоду церковно-певческого наследия, где, в частности, представлена наша коллега Светлана Зверева, плодотворно занимающаяся в последние годы темой православного пения в Русском Зарубежье.

В московском сборнике – и тоже как всегда – широко представлен «византийский прообраз» и современное греческое церковное пение, а также пение братских славянских церквей; в этом выпуске также много материалов по XVIII и XIX векам, есть старообрядческая тематика.

Можно было бы, конечно, выделить фрагменты из обширного корпуса опубликованных текстов и заняться их рецензированием, но вряд ли это под силу одному человеку ввиду разнообразия проблематики, да и вряд ли нужно вообще: вместе взятые, названные сборники обозначают прежде всего некий «фронт работ», так сказать, “work in progress”.

Одно только хотелось бы заметить по поводу «пересечений» москвичей и петербуржцев: ничего страшного нет, конечно, в том, что в разных сборниках представлен один и тот же исследователь со своей темой. Но лучше, если эта тема дается все же в развитии, а не в повторении (такие случаи есть). Не особенно приятно, если исследования разных ученых, опубликованные в разных сборниках, противоречат друг другу не потому, что авторы стоят на разных позициях (это как раз вполне нормально), а потому, что они не читают друг друга или не считают нужным отстаивать свою точку зрения, – видимо, будучи «сто-процентно» убеждены в собственной правоте. Из всего этого легко сделать вывод: если не авторам, то по меньшей мере составителям сборников (несомненно находящимся в коллегиальных и даже дружеских отношениях) неплохо было бы как-то координировать издательскую деятельность.

* * *

«Старыми», хорошо известными сборниками разработка обозначенной темы далеко не исчерпывается. На самом деле такие материалы успешно публикуются и в Трудах Академии музыки имени Гнесиных, и в периодике Свято-Тихоновского богословского университета, и вообще могут оказаться в каких угодно сборниках, изданных разными учреждениями, преимущественно (хотя и не строго обязательно) в двух столицах.

В этом смысле показателен вышедший микроскопическим тиражом (100 экземпляров) под грифом ГИИ, в высшей степени содержательный сборник **«Речь и музыка в традиционных музыкальных культурах»**. Здесь представлены разные культуры и разные конфессии, историки, теоретики, конечно же, фольклористы, а из медиевистов Галина Алексеева, продолжающая свою тему «русско-греческих параллелей» на примере сосуществования русских и византийских певческих терминов в одной русской певческой азбуке XVII века, и Юлия Москва, специалист в области григорианского хора.

С моей точки зрения совершенно особой привлекательностью обладают в этом сборнике статьи нашей коллеги Натальи Данченковой и не слишком часто выступающей в печати, своеобразной и глубокой исследовательницы Ирины Чудиновой (Петербург). О работах Данченковой чуть позже, в связи с другим институтским сборником, а сейчас несколько слов о работе Чудиновой «Чтение и слушание в православном монастырском храме»

Работа написана строго на тему сборника – речь и музыка – и построена на рукописном материале соловецкого происхождения. Бесплезно пересказывать «своими словами» то, что есть в этой статье. Вообще все, что касается речи, тем

более литургической (в случае фольклора обрядовой) речи, – материя необычайно тонкая. Всякие нотные фиксации так называемого литургического речитатива или народных жанров «между пением и речью» дают лишь слабые контуры живого произнесения. Потому важны любые сведения, а тем более обильно процитированные в этой статье сведения из рукописных источников XVI–XVII веков. Но не менее важна чуткость прочтения и истолкования текстов, в которых мало что сказано «впрямую», «доступно», точнее – сказано не отдельно, а в контексте всей храмовой жизни. Лучше процитирую Чудинову: «Мелодика речи запоминалась не отдельно, но в соотношении со всеми сторонами поведения: как, где и в каком положении стоять, как держать спину, руки и голову и т. д.». И далее: «Многообразие градаций звучащей речи, соотношенность чтения, возглашений и пения, пространственность в звучании литургического слова, ритм возжигания и погашения свечей, соотношение смены стиля освещения и характера звучания голосов, – все это соединено в монастырском богослужении в едином ритме литургического действия и направлено к тому...» – дальше очень важно: «...чтобы человек, предстоящий в храме <...> ощутил в звучащей речи сокрытую в ней тишину и безмолвие» (С. 113).

Таким образом, Ирина Чудинова продолжает лейтему своей вышедшей несколько лет тому назад прекрасной книги о монастырской культуре – «Время безмолвия».

В том же 2011 году и опять-таки под грифом нашего Института вышел (более приличным тиражом 800 экземпляров) сборник **«Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество»**. Как и предыдущий, этот сборник обращен к опыту разных конфессий и разных эпох в жизни традиционных культур, однако, в отличие от первого сборника, во втором представлены не только «слово» и «музыка», но также народный театр и, условно говоря, изобразительные искусства.

Актуальность темы сборника ясна без комментариев, и все его материалы на редкость интересны, более же всего, на мой вкус, материалы самих составителей – А. В. Часовниковой («Хлеб в традиционной народной обрядности...») и Н. Ю. Данченковой («Народная религиозность и поэтика причитаний. Мастерство плачей. Плачи М. А. Королевой»).

О «микроцикле» Данченковой хотелось бы сказать особо. Конечно, привлекателен здесь исключительный по ценности и редкости материал – причитания поокского региона, относящиеся практически к нашим дням. К тому же фольклористу удалось встретить и записать истинно талантливых мастериц своего дела, и среди них «главную героиню» статей – М. А. Королеву из села Татарово. Это дало повод к большой двухчастной работе, в которой есть и общие характеристики жанра, и сопоставительный анализ плачей разных исполнительниц, их индивидуальных манер, – что очень интересно, но и очень трудно. Дополнительная сложность состоит в том, что жанр похоронных плачей находится на остром перекрестке церковных и народных представлений о душе, о будущей жизни и т. п., то есть касается самой сердцевины «народной веры». Плачи Королевой – вернее, их опубликованные словесные тексты, полные реалий современной жизни, – невозможно читать спокойно: может быть, именно потому, что это наша, текущая жизнь, так проникновенно описываемая и оплакиваемая народной исполнительницей.

И тут я лучше процитирую автора: «Живой, динамичный, бесконечно разнообразный поток интонирования в плачах Королевой буквально завораживает. Это виртуозное искусство «плетения словес» основано на сверхчутком слышании звуковой формы слова, его фонетических и просодических характеристик... Каждое слово в плачевой речи Королевой тщательно прослушивается ее внутренним слухом, «проживается» как некий самостоятельный микро-процесс».

Составители сборника совершенно правы, отметив во вступлении, что «изучение традиционной культуры под обозначенным углом зрения (то есть “народной веры”) предъявляет нередко повышенные требования к уровню специализации самого исследователя». Наталия Данченкова этот уровень, несомненно,

выдерживает, а экспрессивность ее исследовательской речи резонирует с самим материалом.

Одно важное замечание. Хотя описываемое явление можно оценить по приводимым текстам и нотным примерам, все же так не хватает возможности услышать это чисто устное, чисто интонационное искусство! Неужели нельзя было изыскать возможность приложить к сборнику (равно как и к первому из упомянутых институтских сборников) хотя бы крошечный диск с небольшим количеством образцов! Коль скоро мы занимаемся такими тонкими и трудно описываемыми вещами, как жанры, находящиеся «между пением и речью», взывающие к глубинам человеческого сознания, как же не дать звук? Да и изображение тоже?

* * *

Неожиданна и очень интересна параллель, которую проводит Данченкова между семантическими конструкциями плачей Королевой – и таковыми же в одном из древнерусских письменных плачей, а именно, в плаче Ингваря Ингоровича, запечатленном в «Повести о разорении Рязани Батыем» Эта многообещающая параллель послужит нам мостиком для плавного перехода к еще одной работе – книге Наталии Серединой **«Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века**. Уже из заглавия ясно, что основной метод этой работы – тоже проведение параллелей, а тип книги и даже, если хотите, ее жанр, определен в кратчайшей (короче не бывает!) авторской аннотации на обороте титула:

«Книга – одна из редких попыток соединить науку и поэзию, не поверяя музыку арифметикой, но стремясь к гармонии в самой ткани реконструкции и исследования».

Объектом реконструкции является текст великого «Слова»; исследование состоит из двух частей: первая – «Композиция. Структура. Текст», вторая – «Образы. Знаки. Метафоры». Наконец, имеется третья часть, название которой совпадает с титулом всей книги, но с подзаголовком: «Опыт Словаря». К этому – еще и необъятный список рукописей и литературы.

Чтобы полноценно судить о работе Серединой, надо бы, строго говоря, сначала очень внимательно, с карандашом в руках, пройти 380 страниц мелкого кегля текста, а потом как-то ознакомиться и с литературой, указанной в списке (или, может быть, в обратном порядке: сначала предшествующая литература, потом новое исследование). Но поскольку такой возможности в ближайшее время не предвидится, скажу о том, что вынесла из первого, поверхностного чтения.

Во-первых, книга поразительно, захватывающе интересна, причем наверняка интересна для всех, а не только для медиевистов: автор так излагает материал, что следить за его мыслью – чистое удовольствие (хотя и сопряженное с трудом осознания).

Во-вторых, книга Серединой – и даже не столько сама книга, сколько процесс ее чтения, – напомнили мне былые, далекие годы: с таким же чувством читались тогда исследования Льва Николаевича Гумилева или, например, некоторые, с грехом пополам доступные гуманитариям тексты Владимира Ивановича Вернадского. Я – прошу понять правильно – не сравниваю нашу коллегу с этими великими фигурами, я только пытаюсь определить эмоциональное состояние читателя, обдуваемого ветром открытия неизведанного мира.

Краткая суть гипотезы Серединой такова. «Слово» состоит из стиховых строф, сходных по типу строения с гимнографическим жанром тропарей канона, объединяющихся в песнь. Как известно, канон состоит из девяти песней (с пропускаемой обычно второй), и между тропарями каждой песни прослеживается общность строения (в византийских канонах – и стихосложения). В некоторых службах бывает не один канон, а больше, причем они могут либо следовать один за другим, либо строиться по принципу «проникающего чередования», то есть

сначала первые песни всех канонов, потом вторые и т. д. В «Слове» автор разглядел признаки подобного двойного канона и выделил в нем 20 песней, дополнительно объединенных в смысловые разделы.

Далее естественно возникают параллели другого уровня – так сказать, внутритекстовые, когда к образным и словесным построениям «Слова», и особенно к его темным местам (которых до сих пор весьма немало), подыскиваются соответствующие образы и конструкции в древних гимнографических жанрах, а нередко еще и в древнейшего происхождения фольклорных текстах. Говоря словами автора, при изучении стихового строения «Слова» оно сопоставляется со «стиховыми структурами произведений переводной и оригинальной древнерусской гимнографии XII века»; под «оригинальной гимнографией» имеются в виду песнопения, сложенные в честь первых русских святых (и кому их лучше знать, как не Серegiной, посвятившей этой теме десятилетия труда). То же касается и конкретных фраз и выражений.

Дальше надо читать саму книгу. Обращу внимание только на ее последний (то есть предшествующий Словарю) раздел, называющийся «Неоднoмерность мысли, или Прoстранство иронии», где автор, говоря о «невьразимости в одной формуле основной идеи», о загадочной неоднозначности «Слова», предлагает подумать еще и о «ироническом» характере ряда его фрагментов, а также о противопоставлении в нем мировоззренческих систем – сферы язычества и сферы христианства.

В гармонии с «ироническим» мотивом книга Серegiной не имеет никакого заключения, никаких «оргвьыводов»; ее форма – совершенно открытая.

* * *

Мы тоже не будем подводить итогов, предполагая вернуться к обзору (если не рецензированию) творений коллег в следующем номере журнала.